

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ ОТЪ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ

къ одной родственницѣ.

Милая сестрица Марѳа Ефимовна.

Виновать, давно собираюсь васъ поздравить и все не успѣлъ. Да и съ чѣмъ поздравить? Съ умноженіемъ семейства. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ваше потомство было менѣе велико и болѣе богато. Въ этомъ только не похожу я на старую Русь, когда многочадіе почиталось благословеніемъ Божиимъ; въ этомъ только случаѣ принадлежу я къ Европѣ и къ девятнадцатому вѣку.

Я получилъ повѣстку на тысячу рублей серебромъ, но не посмѣшилъ еще послать за деньгами, ибо полагаю, что при нихъ нѣтъ писемъ. Вы, мнѣ кажется, писали о 1500 ассигнаціями за выручкою отъ хлѣба, отъ урожая 1851 года, а прошлогодній урожай оставили до болѣе благоприятнаго время; когда получу деньги, то можетъ быть это узнаю.

У меня времени какъ-то ни на что не достаетъ. Ко множеству стараго знакомства присоединилось еще много новаго, такъ что едва успѣваю я выѣзжать по приглашеніямъ. Иной сказалъ бы, что мнѣ житье здѣсь да и только, но съ моею хворостью и слабостью, одинъ Богъ знаетъ чего это мнѣ стѣдитъ. Впрочемъ это можетъ быть меня и поддерживаетъ, и я не совсѣмъ опустился и облѣнился. Вотъ таки третьяго дня я былъ на великолѣпномъ балѣ у графа Закревскаго. Чтѣ дѣлать? Онъ, говорятъ, не любитъ, когда его приглашеніями не хотятъ пользоваться, а между тѣмъ онъ такъ ко мнѣ добръ. Много посѣщаю я старухъ, напоминающихъ мнѣ старые амуры; напримѣръ княгиня Наталья Юрьевна Салтыкова, въ которую я слылъ влюбленнымъ тому сорокъ пять лѣтъ. Она была тогда во всемъ блескѣ славы и красоты, и теперь еще въ семьдесятъ почти лѣтъ кажется лѣтъ пятидесяти и въ совершенной только зрѣлости. Мы все говоримъ о быломъ, о прошед-

шемъ; она увѣряетъ меня, будто изъ молодыхъ она мало видѣла столь красивыхъ какъ я былъ; я увѣряю, что красивѣе ея не видѣлъ я тогда женщины, и это взаимно пріятно. Меня останавливало посѣтить ее то, что сынъ ея женился на Лужиной, племянницѣ Ховриной; но мы встрѣтились, объяснились, и я нашелъ, что не только она, но и невѣстка ея раздѣляютъ мои чувства къ этой архидурѣ-педанткѣ, которая мучила ребячество княгиньки. Она умѣла теперь выжить ее изъ дома отца, и сама (Салтыкова) съ мужемъ у него поселилась.

Еще навѣщаю я одну старуху, но уже весьма опустившуюся, графиню Софью Ивановну Сологубъ. Положеніе ея не завидное; необыкновенный умъ ея не ослабѣлъ, но нѣтъ уже той веселости, которая прежде оживляла разговоры наши. Чтобы развеселиться, вижусь я нерѣдко съ двумя молодыми, еще красивыми женщинами, Алекс. Василь. Кирѣевой и извѣстной графиней Растопчиной; я говорю молодыми въ сравненіи, хотя имъ подъ сорокъ лѣтъ; обѣ меня жалуютъ и запрашиваютъ меня посѣщать. Съ Четвертинскимъ и его многочисленнымъ семействомъ живу я, право, какъ съ родными. Мнѣ весело бываетъ со знакомымъ вамъ, вѣчно веселымъ кн. Владимиромъ Голицынымъ и его милой женой; но онъ бѣдняжка очень боленъ. Я обѣдалъ у него наканунѣ почти того дня, когда у него открылся карбункулъ; ему дѣлали операцію, и вотъ болѣе недѣли чтò онъ не выходитъ изъ опасности... Знаете ли, что ваши Горсткины здѣсь въ большой модѣ и никакъ не тоскуютъ о Пензѣ; на дняхъ какъ-то я у нихъ обѣдалъ; дочь ихъ не красавица, но миленькая. Литвинова въ пріязни и часто посѣщаетъ Лидію Нессельроде, дочь Закревскаго; она ко мнѣ такъ добра, что передъ отъѣздомъ въ Пензу хочетъ посѣтить меня вмѣстѣ съ Лисаветой Осиповной. Если я горемычный ищущу веселыя лица, за то почитаю долгомъ навѣщать скорбныхъ и страждущихъ неизлѣчимыми болѣзнями, какъ напримѣръ вдову Мих. Ник. Загоскина и еще чаще больную нашу Софью Дмитріевну, у которой братъ Артемій вотъ третій мѣсяцъ между жизнью и смертію.

Хотѣлось бы чаще видѣть милостивца моего и доброхота Алексѣя Петров. Ермолова, но въ десять дней едва могу улучшить нѣсколько часовъ, чтобы съ нимъ побесѣдовать. Онъ всегда мнѣ радъ, никуда почти не выѣзжаетъ, хворость и его постигла, тѣломъ онъ опустился, но свѣтлый умъ его никакъ не потемнѣлъ. Въ такомъ же положеніи и еще хуже находится бывший министръ графъ Уваровъ; его я вижу еще рѣже. Отрадно мнѣ бываетъ также не столько съ Сергѣемъ Павловъ, какъ съ Анной Евграф. *) Называть ли мнѣ вамъ Соймоновыхъ, Писем-

*) Шиповичъ. П. Б.

скаго, Ник. Вас. Сушкова, княг. Черкасскую? Если я приневоливаю себя ѣздить на ихъ званые вечера, то оттого, что меня убѣдительно приглашаютъ, а если сіе дѣлають, то вѣроятно благоволятъ ко мнѣ. Черезъ Понедѣльникъ или два бываю я у новаго вельможи, барона Боде. Еслибъ вы знали, какъ это скучно: всѣ играютъ въ карты, за то никто не курить. Подъ бокомъ у меня сосѣдка или скорѣе хозяйка дома, гдѣ живу, кн. Алекс. Павлов. Голицына, урожденная гр. Кутайсова. Чтѣ это за милая, почтенная женщина; тутъ я отдыхаю, стоить до нея сдѣлать нѣсколько шаговъ, и я имѣю всегда позволеніе всегда быть въ скуртукѣ. На дняхъ въ большомъ домѣ ея поселилось богатое, почтенное и любезное семейство князя Львова, женатаго на сестрѣ новаго военнаго министра Долгорукаго; по сосѣдству и туда меня усиленно приглашаютъ. Не знаю, какъ мнѣ управиться съ временемъ: около сорока домовъ: пожалѣйте обо мнѣ*!)

Почитайте это письмо Елисаветѣ Филипповнѣ, къ которой отъ части оно адресуется. Ей будетъ пріятно; вы знаете какъ она меня любить и въ разсѣянной жизни видитъ великое удовольствіе, чего я совсѣмъ не вижу. Какъ подумаешь, какой контрастъ у меня между нынѣшней и прошлогодней зимой... Почти до Декабря были дни теплые, даже жаркіе, потомъ пошли частые, холодные дожди, сырость и грязь; но вдругъ дня на два покажется солнышко, бываетъ 15 град. тепла и въ Симферопольскихъ домахъ тамъ и сямъ открываются окошки до Февраля. За то, чтѣ за люди, что за общество, чтѣ за образъ жизни! Нынѣ 3 Октября постоянно вижу небо свинцоваго цвѣта, землю всю покрытую какъ бы саваномъ и частые довольно большіе морозы; за то перемѣшанная съ удовольствіями, не скучная, но болѣе тяжелая жизнь. Случается, что людей, которыхъ никогда не видалъ, знаешь только по заочности, но непонятно, отъ чего полюбишь всѣмъ сердцемъ. Вотъ что случается у меня съ вашимъ зятемъ. Когда я прошу васъ обнять за меня дѣтей вашихъ, я думаю, что онъ не откажется принять отъ меня, но вашими устами. лишній поцѣлуй. Примите же и вы его отъ меня.

Вашъ братъ и другъ Ф. Вигель.

Москва 27 Генваря 1853.

Какъ умѣлъ старался здѣшнимъ сенаторамъ растолковать ваше дѣло. Всѣ они сказали мнѣ, что если оно подлинно такъ, то съ вели-

---

*) И однако вскорѣ Вигель переѣхалъ въ Петербургъ и по смерти императора Николая Павловича вновь пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и скончался 20 Марта 1856 г. всѣми оставленный. П. Б.

чайшимъ пристрастіемъ въ пользу сильныхъ нельзя его иначе судить, какъ Саратовская Палата.

Я совсѣмъ приступалъ къ запечатанію, когда мнѣ принесли съ почты ругательное письмо отъ Филиппа Николаевича*). Оно меня никакъ не удивило, ни оскорбило, ни даже нимало не встревожило. Я слишкомъ хорошо знаю этого человѣка. Онъ ни съ кѣмъ изъ постороннихъ не позволяетъ себѣ дерзостей, это было бы нѣсколько опасно; но съ родными, особенно съ женщинами, съ престарѣлыми, коихъ почитаетъ онъ беззащитными, это другое дѣло: онъ тутъ ничего не рискуетъ. Какъ не избѣгать непріятныхъ столкновеній съ родственникомъ, это былъ бы срамъ, позоръ, отъ котораго всякій порядочный человѣкъ уклонится. Оттого, пользуясь безнаказанностію, онъ такъ смѣло клеветами и грубостями преслѣдуетъ всѣхъ родныхъ своего отца, своей матери и своей жены. Французы по всей справедливости назвали бы *lâcheté*. Письмо его пошло въ каминъ, туда же куда и письмо, писанное лѣтъ пятнадцать тому назадъ, гдѣ онъ жестоко поносилъ покойнаго мужа вашего, моего друга и брата; то я принялъ болѣе къ сердцу, и если вы такъ равнодушны, что послѣ того живете съ нимъ въ ладахъ, то это уже ваше дѣло. Бранить ему за сына, кажется, не слѣдуетъ, благодарить тоже не за что; если я принималъ участіе въ образованіи ума и сердца бѣднаго мальчика, то отъ того, что съ такимъ отцомъ видѣлъ въ немъ сироту.

Въ письмѣ этомъ есть нѣчто и забавное: онъ увѣряетъ, что съ гнусной, запачканной репутаціей, всѣми отверженный, я принужденъ скитаться по міру, нигдѣ не находя пристанища. Увы, сколько есть подобныхъ мнѣ, богаче, моложе и здоровѣе меня! Иной, слышишь, живетъ въ Римѣ, глядишь онъ уже въ Парижѣ, обернешься онъ уже въ Рязанской губерніи, въ Москвѣ, а тамъ опять куда нибудь отправится. Вѣкъ странствованія, и я не буду уже смѣть это называть бродяжничествомъ. Конечно, и благоразумнѣе, и спокойнѣе и дешевле кинуть неподвижно въ глуши, но все еще я не могу на то рѣшиться. Здѣсь Ник. Иван. Тулиновъ бываетъ у меня, и я у него. Онъ ничего себѣ не позволяетъ на счетъ племянника; замѣтно однако, что онъ далекъ отъ всякой къ нему нѣжности; зато къ внуку успѣлъ я внушить ему живѣйшее участіе. Но послѣ такого поступка, разумѣется я въ дѣла обоихъ, отца и сына, болѣе мѣшаться не намѣренъ. Мнѣ недолго остается жить, и хочется провести послѣдніе дни въ тишинѣ и спокойствіи. Охъ, доживу ли я до лѣта? Тогда опять уединеніе, писаніе, чтеніе, прогулки, такая жизнь, какая мнѣ нравится.

---

*) Это племянникъ, Вигеля, женатый на богачкѣ Тулиновой жившій въ Воронежѣ. П. Б.